

Восьмиконная карета из ценных пород дерева, украшенная гербом поместья Гогун, под крики кучеров и лязг дорожных сундуков наконец скрылась за поворотом горной тропы Академии Цинъюнь.

Шум затих, словно отступивший морской прилив, оставив после себя лишь густую тишину.

Дверь учебного корпуса «Чжу» тихо скрипнула, закрываясь. Се Сяо стоял внутри, и обрушившаяся на него внезапная мертвая тишина тяжелым грузом давила на перепонки.

В воздухе еще витал едва уловимый аромат мыльных бобов, присущий юноше, легкая приторность розового печенья и... едва заметный запах пыли, поднявшейся при погрузке багажа.

Се Сяо постоял на месте некоторое время. Солнечный свет косыми лучами пробивался сквозь оконную раму, и в золотистых столбах танцевали крошечные пылинки. Он подошел к своему столу и сел.

В учебном корпусе воцарился прежний, даже какой-то пугающий порядок. Кровать напротив — та, где спал Линь Янь, — теперь выглядела как голая рана: парчовое одеяло, мягкие подушки и тот самый злополучный бамбуковый коврик исчезли, оставив лишь пустые деревянные доски.

Стол тоже опустел: разбросанные закуски, безделушки и небрежно сложенные книги — всё было убрано так тщательно, будто здесь никогда никто не жил.

Лишь в углу стола одиноко лежала нежная, теплая на вид подвеска из белого нефрита. В тусклом свете она излучала мягкий, приглушенный блеск, напоминая застывшую каплю росы.

Взгляд Се Сяо скользнул по пустой кровати и задержался на нефритовой подвеске. Он протянул руку, и его прохладные пальцы коснулись гладкого края камня.

Ощущение тепла, казалось, сохранило температуру тела юноши и некую... упрямую энергетику, свойственную лишь ему.

Пальцы будто обожгло этим теплом, Се Сяо едва заметно вздрогнул и поспешно отдернул руку.

Он снова перевел взгляд на парящий в воздухе полупрозрачный лазурный экран, находившийся в режиме невидимости.

Кончики пальцев привычно заскользили по краю стола, вызывая потоки данных о зимних изменениях растительности в академии. Строки холодных символов и параметров беззвучно поплыли перед глазами.

Холодный ветер за окном кружил сухие бамбуковые листья, с шорохом ударяя их о бумажные переплеты.

Се Сяо смотрел на бегущие строки данных, пытаясь сосредоточиться.

Однако взгляд то и дело невольно возвращался к пустой кровати напротив или к нефритовой подвеске, одиноко лежащей на столе.

Потоки данных оставались ясными, логика анализа — безупречной, но это небольшое пространство словно лишилось чего-то невидимого, став пугающе пустым и... тихим.

Настолько тихим, что становилось не по себе.

В тысяче ли отсюда, в столице, царило совсем иное настроение. Близился конец года, на улице Чжуцзюэ было не протолкнуться: кареты, повозки, ряды лавок, шум толпы, всюду развешаны фонари и украшения — город был пропитан праздничной атмосферой.

В поместье Гогун было еще оживленнее.

Стоило Линь Яню вернуться, как он тут же стал центром внимания.

Глава поместья хлопал его по плечу, оглядывал с ног до головы и твердил, что парень возмужал. Госпожа Гогун обнимала свое сокровище, утирая слезы, то и дело поглаживая его по лицу и ощупывая руки, будто он только что вернулся с передовой. Стол ломился от изысканных деликатесов — всё то, что он так любил.

— Янь-эр, сильно ли ты настрадался в академии? Посмотри, как исхудал! — причитала госпожа, с любовью накладывая в его чашу целую гору еды.

— Матушка, я не похудел... — бормотал Линь Янь, набивая рот хрустальным мясом, но на душе у него было тепло. Как же хорошо дома.

Награды от сестры-наложницы текли в поместье рекой: шелка, золото, нефрит, дворцовые сладости.

Линь Яня вызвали во дворец. Наложница расспрашивала его обо всем, а увидев, что взгляд его стал яснее, а сидит он вроде бы ровнее (хотя это было лишь иллюзией), осталась очень довольна, расхваливая академию за то, как хорошо она на него влияет.

Однако после первых всплесков радости вся эта суеда и забота стали казаться чем-то чужим, словно отделенным невидимой завесой.

Вскоре на пороге объявилась его старая компания гуляк. Песни, спектакли, петушинные бои, скачки... Столичный блеск и шум нахлынули на него лавиной.

— Господин Линь! В Павильоне Весеннего Ветра новая красавица, на пипе играет — заслушаешься! Идем, идем, отметим твое возвращение!

Подвыпивший наследник князя Чжэньбэй обнял Линь Яня за плечи и потащил в самый известный увеселительный квартал города.

Внутри Павильона Весеннего Ветра было душно от ароматов, слышались нежные звуки струнных. Разодетые в пух и прах девушки обступили их, щебеча и настойчиво предлагая вино.

Линь Янь сидел в центре, сжимая в руке кубок с янтарным напитком.

Он смотрел на улыбающуюся красавицу с безупречным макияжем, вдыхая густой запах пудры. В ушах звенел разгульный смех друзей и пение куртизанок, перед глазами мелькали украшения и кокетливые взгляды.

Казалось бы, время расслабиться и повеселиться, но Линь Янь вдруг почувствовал невыносимую... скуку.

Он поднес кубок к губам, вдохнул приторный аромат вина, и вдруг в голове отчетливо всплыл

тонкий, холодный профиль того человека и то, как напряглось его тело, когда Линь Янь подошел слишком близко.

Хмельное настроение мгновенно испарилось.

— Господин Линь? О чем задумался? Пей же! — толкнул его в бок приятель.

Линь Янь очнулся, посмотрел на плещущуюся в кубке жидкость, затем на густо покрашенные лица и наигранные улыбки вокруг, и его охватило беспричинное раздражение. Он с силой поставил кубок на стол, тот издал резкий стук, заставив окружающих вздрогнуть.

— Неинтересно, — нахмурился он, и в его голосе прозвучала холодность, которой он сам от себя не ожидал. — От шума голова болит. Развлекайтесь, я пойду.

Не слушая удивленных уговоров друзей и разочарованных вздохов девушек, он отстранил их и вышел, оставив за спиной недоумение и шум.

На улице его встретил зимний ночной воздух, обжигающий своей свежестью. Линь Янь плотнее закутался в лисью шубу и посмотрел на ночное небо столицы, подсвеченное заревом огней так, что звезд почти не было видно. Он вдруг подумал, что этот шумный город кажется каким-то... пустым.

Вернувшись в свою теплую, как весна, спальню в поместье, Линь Янь лег на мягкую кровать, но никак не мог уснуть. За окном доносился приглушенный шум не спящей столицы, а в комнате разливалось тепло от углей.

Он смотрел на искусную вышивку на пологѐ, но в голове была каша.

Он вспоминал вкус домашней еды, сладости из дворца, ворчание родителей... но мысли неизменно возвращались в ту душную, простую комнату учебного корпуса «Чжу».

Он сел, накинул обувь и подошел к столу. На нем лежали лучшие кисти, бумага и тушь.

Он взял кисть, обмакнул в тушь и замер перед белым листом, не зная, с чего начать. Помучившись, он лишь наставил на бумаге несколько кривых клякс.

— Кто-нибудь! — раздраженно бросил он кисть.

Слуга, дежуривший ночью, тут же вошел:

— Господин?

— Растирай тушь! — Линь Янь пододвинул бумагу. — Я буду говорить, а ты пиши!

Слуга поспешно сел, разложил бумагу.

Линь Янь заходил по комнате, словно юный полководец на осмотре, и начал бормотать:

— Брат Се, пишу тебе, чтобы засвидетельствовать свое почтение.

Я вернулся в столицу! Дома всё хорошо, только отец с матерью и сестра слишком уж приставучие, по восемь раз на дню спрашивают про академию, сил нет!

В столице всё по-старому, на улице Чжуцзюэ открылась лавка заморских купцов, продают мясо с таким жутким запахом, что даже наши столовские мясные шарики вкуснее!

Вчера Чжао и остальные затащили меня в Павильон Весеннего Ветра, от шума голова разболелась, у тех девиц пудры на лице столько, что можно стену штукатурить, скука невыносимая, я посидел немного и сбежал...

Да, кстати, сестра дала мне коробку императорских печений со сливами, такие приторные, что в горле першит, не чета тому лакомству, что я приносил тебе в прошлый раз...

Эх, в столице делать нечего, правил больше, чем в академии, куда ни пойдешь — везде толпа слуг, раздражает! В академии было куда свободнее...

Он говорил всё подряд, что приходило в голову, жалуясь, но с какой-то неосознанной теплотой. Слуга старательно записывал, поспевая за его прыгающими мыслями.

Линь Янь подошел к окну, глядя в черное ночное небо, и голос его вдруг стал тише, с ноткой неуверенности:

— ...В Цзяннани... снег пошел?

Он помолчал, повернулся, глядя на кончик кисти слуги, и добавил еще тише, с легкой долей смущения и ожидания:

— Ты... скучал по мне?

Рука слуги дрогнула, капля туши чуть не упала на письмо.

Лицо Линь Яня вспыхнуло, и он поспешно, грубовато добавил:

— Пиши быстрее! Напишешь это — и заканчивай!

Он подошел к столу, увидел написанную фразу «Ты скучал по мне?», выхватил кисть и в самом конце листа, на пустом месте, нарисовал кривоватую, широко улыбающуюся рожицу. Улыбка до ушей, глаза — два маленьких кружочка.

— Вот! Так и оставь! — он бросил кисть, словно совершил великое дело. — Найди надежного гонца и отправь в Академию Цинъюнь в Цзяннани как можно скорее!

Первый снег в Цзяннани выпал глубокой ночью в начале двенадцатого месяца.

Не северная метель, а лишь мелкая ледяная крупа, подхваченная ветром, с шорохом стучала по оконным переплетам корпуса «Чжу». В мире царила мертвая тишина.

В комнате пламя масляной лампы подрагивало от сквозняка.

Се Сяо сидел за столом, экран на его запястье фиксировал данные о влиянии первого снега на

активность горных животных. Холод проникал повсюду, дыхание Се Сяо превращалось в белые облачка пара.

В дверь тихо постучали. Равномерный голос управляющего Чэня донесся из-за двери:

— Господин Се, пришло письмо из столицы.

Пальцы Се Сяо, касавшиеся экрана, замерли. Он встал, открыл дверь и принял письмо, от которого веяло дорожным холодом и пылью. На конверте было выведено «Лично в руки Се Сяо» — почерк был аккуратным, явно не самого отправителя, но нарисованная в углу кривая улыбающаяся рожица была до боли знакомой.

Закрыв дверь и отгородившись от шума ветра и снега, Се Сяо вернулся к столу. В тусклом свете лампы он вскрыл конверт и вынул толстую пачку бумаги.

Почерк был ровным, но содержание — хаотичным, полным свойственных юности прыгающих мыслей и жалоб.

Жалобы на столичный шум, на приставучих родных, на вонючее мясо, на скучные пирушки, на приторные сладости... всё такое мелкое, словно рассыпанный кунжут.

Но между строк, казалось, звучал тот самый ясный, звонкий голос.

Се Сяо читал строчку за строчкой, сохраняя на лице привычное бесстрашие.

Пока в самом конце не наткнулся на фразу «Ты скучал по мне?» и ту самую, занимавшую полстраницы, глупую и ослепительную улыбающуюся рожицу.

Его пальцы невольно коснулись грубого рисунка, чернила казались еще не просохшими (хотя это было лишь игрой воображения).

Перед глазами встал образ юноши, который хмурится, стараясь нарисовать эту улыбку. Его темные глаза наверняка сияли.

Шум снега за окном стал отчетливее. Пламя лампы плясало, отбрасывая на бумагу дрожащие тени. В жаровне потрескивали угли, источая слабое тепло.

Се Сяо долго молчал. Наконец он взял со стола свою старую кисть, обмакнул в тушь и развернул чистый лист.

Кончик кисти замер на мгновение и опустился на бумагу.

Стиль остался прежним: краткое сообщение о делах академии и первом снеге. Почерк был строгим и четким, как всегда.

В конце письма кисть снова зависла. Капля туши на кончике дрожала, готовая упасть.

Взгляд Се Сяо упал на ту самую глупую рожицу в конце письма. Снаружи ветер со снегом застучали в окно еще настойчивее.

Он опустил ресницы, и кисть наконец коснулась бумаги. В обычном пустом месте в конце он добавил одну строку:

«Снег очень красив. Береги себя, не грусти».

Чернила легли ровно, каждое слово было четким.

Отложив кисть, Се Сяо не стал сразу убирать письмо. Он поднял взгляд к окну.

В густой ночной тьме мелкие снежинки кружились в танце. Бумага на окне мелко дрожала от ударов снежной крупы.

В комнате слабый свет жаровни едва разгонял холод. Нефритовая подвеска тихо лежала в углу стола, ее мягкий блеск мерцал в свете лампы.

Се Сяо сидел неподвижно, глядя в бесконечную тьму за окном, окутанную снегом.

Впервые в этом чужом краю, где он всегда держался особняком, как сторонний наблюдатель, он отчетливо почувствовал, что эта зима кажется слишком длинной.

Свист ветра и снега словно пытался заполнить пустоту, которая внезапно образовалась в этой комнате.

<http://bllate.org/book/19996/1971894>